

лекта, в случае переживания ситуаций фрустрации, становится механизм критериального изменения субъективной значимости некоторой данности (в нашем случае – одного или нескольких компонентов переживания). В качестве частных вариантов механизма осуществления переживания предложены описанные А. И. Розовым (И. И. Розетом)[7], как опосредствующие переживание комического, механизмы анаксиоматизации, гипераксиоматизации и, построенный нами по идентичному принципу, механизм реаксиоматизации. Механизм реаксиоматизации представляет собой «горизонтальное» (в отличие от «вертикального» в механизмах, описанных А. И. Розовым) критериальное изменение отношения субъекта к данности в направлении придания ей отличной (иной) оценки.

Специфика осуществления представленных механизмов в рамках позитивного переживания состоит в актуализации этих механизмов в направлении динамических компонентов переживания (ситуация, мотив), в их отношениях, связях друг с другом. В случае негативного переживания, данные механизмы обнаруживают себя в адрес соответствующих компонентов вне целостности их внутренних отношений, связей, вне целостности переживания.

Литература

1. Ярошевский М. Г. Идеи Б. М. Теплова о переживании как феномене культуры // Вопросы психологии. 1997. № 4. С. 63–75.
2. Василюк Ф. Е. Психология переживания. М., 1984.
3. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
4. Эльконин Д. Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. 1971. № 4. С. 6–20.
5. Братусь Б. С. Аномалии личности. М.: Мысль, 1988. С. 71.
6. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 21.
7. Розов А. И. Переживание комического в свете некоторых более общих закономерностей психической деятельности // Вопросы психологии. 1979. № 2. С. 117–124.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФЕНОМЕНА СОЧУВСТВИЯ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ XIX ВЕКА

Е. В. Калуга

Современная ситуация требует нового осмысления многих нравственных ценностей для того, чтобы выработать ориентиры выхода из кризиса духовного развития общества, который мы сейчас переживаем. Для анализа в данной работе был выделен феномен сочувствия, с целью определить основные подходы к его интерпретации. При этом понимать мы его будем не только как сострадание, но и как совместное переживание

радости, т. е. процесс, в котором происходит понимание чувств и мыслей другого человека, оказание моральной поддержки его устремлениям. Значение феномена сочувствия как одной из основных форм нравственного поведения для раскрытия глубинного смысла бытия и самоопределения человека как такового признавали и особенно подчеркивали философы XIX века. В западноевропейской этической традиции этого времени можно выделить три основных подхода к его интерпретации: генетический, метафизический, феноменологический.

Генетические теории получили свое название по аналогии, как обосновывающие факт передачи эмоциональных и нравственных переживаний, в том числе и способность сочувствовать, по наследству, от поколения к поколению, а также утверждающие репродуктивное происхождение сострадания и сорадости. Перенос переживаний как традиции приводит к тому, что человек ощущает мстительность, злобу, любовь, сострадание потому, что это делает его окружение, его предки, считает эти эмоции своими чувствами и не подозревает о природе их происхождения. Таким образом, в семье могут передаваться привязанность или антипатия, сочувствие или сорадость определенным событиям в жизни другого человека, причем потомками они будут восприниматься как реальные переживания, а не как воспоминание. Теории репродукции факт проявления сочувствия связывают с тем, что восприятие выражения чужого страдания или радости и обстоятельств, в которых они проявляются, вызывают схожие пережитые нами ранее чувства. Например, Г. Спенсер утверждает: «Ясно, что человек, который не решается причинить страдание потому только, что в его сознании возникает яркое представление об этом страдании, сдерживается не чувством какого-нибудь долга или какой-нибудь определенной доктрины о полезности, но мучительной ассоциацией, установившейся в нем» [1, с. 346]. Данный генетический подход толкования феномена сочувствия не замечает факта существования чистого сочувствия как такового. При этом его приверженцы ограничивают проявление сострадания и сорадости теми переживаниями, которые мы сами уже испытывали ранее. Но ведь величие и ценность человека состоит в том, что вместе с кругом чувств, которыми он обладает, он может также изначально понимать и чужие, даже если их никогда не переживал.

Известным представителем метафизической теории сочувствия является Шопенгауэр. Им достаточно подробно разбирается механизм проявления сострадания, суть которого состоит в том, что человек способен совершить нечто во благо «другого», точно также как, если бы мотивом ему служило свое собственное благополучие. Чувство сострадания пред-

полагает способность переживать чужое горе как свое собственное, что связано с отождествлением субъекта и объекта сострадания, устранением границы между «я» и «другим». Объяснить явление сострадания в структуре философского мировоззрения Шопенгауэра возможно лишь с позиции его метафизики. Тот прописанный им в этике факт, что нравственные проявления человеческой индивидуальности даны a priori, а воля определяет их существование, позволяет в равной степени назвать ее метафизикой сострадания. Метафизика сострадания Шопенгауэра основывается на том утверждении, что, только сострадая, «один индивидуум узнает в другом непосредственно себя самого, свою собственную истинную сущность» [2, с. 343]. Осознав, что множественность принадлежит миру явлений, а воля, как «вещь в себе», едина и неделима, человек может понять свое единство с миром, и путь к этому лежит через сострадание. Человек, полностью охваченный чувством сострадания, прозревает суть того, что покрывало Майи, созданное эгоизмом и злобой, скрывает за собой подлинный мир, мир единой воли, в котором содержится подлинная сущность человека.

При этом, правда, возникает вопрос: почему наряду с феноменом сострадания Шопенгауэр не рассматривал феномен сопереживания радости, тем самым лишая его права существования как действительно нравственного? Получается, что человек способен сопереживать чужому страданию, но чужая радость не вызывает в нем ответной реакции. Более того, философ отмечал, что «вид счастья и наслаждения чисто как таковых очень легко может возбудить нашу зависть, задаток для которой лежит в каждом человеке» [2, с. 277]. Вероятно, Шопенгауэр наделяет само страдание положительным нравственным статусом, в силу того, что только оно способно вызывать в человеке эмоции, достойные морального одобрения, тогда как радость есть феномен отрицательный, порождающий дурные мысли. Такая позиция отражает пессимистическую интенцию, свойственную всему мировоззрению философа и не позволяющую ему рассматривать проблему сочувствия в более полном объеме.

Глубинные слои смысла феномена сочувствия раскрывает феноменологический подход, примененный М. Шелером. Он делает очевидным то, что так называемое «мое» сострадание и «его» страдание являются феноменологически двумя различными фактами. Это значит, что в настоящем чистом сострадании и сопереживании радости отсутствует собственно состояние страдания или радости. Он отмечает, что всякое сочувствие должно содержать в себе интенцию чувства страдания или радости в переживаниях «другого» и выделяет несколько феноменов, которые в повседневной жизни зачастую смешиваются с подлинными пере-

живаниями. С целью определения нравственно-ценностного феномена сочувствия он предлагает к рассмотрению четыре вида поведения, которые обычно с ним ассоциируются: «непосредственное со-чувствование», «сочувствие к чему-то», «голое заражение чувством», «подлинное проникновение».

Наиболее ценным для этики является «сочувствие к чему-то», когда человек выступает как сторонний наблюдатель по отношению к объекту, на который направлены его чувства. Сочувствие возникает здесь как ответ на переживания другого человека при ясном осознании отличия от них собственных чувств, оно показывает, что его носитель не может безразлично противостоять страданиям «другого» или его радостям. Оно появляется на свет не без помощи некоего нравственного регулятива, требующего принять непосредственное участие в его душевных порывах. Поэтому можно утверждать, что такого рода переживание несет в себе определенную этическую ценность, являясь нравственным поведением.

Остальные же виды поведения – «непосредственное со-чувствование», «голое заражение чувством», «подлинное проникновение» не обладают особой этической ценностью, так как протекают как правило неосознанно, не содержат в себе отличия своего чувства от чувства «другого». Первое на передний план выдвигает само чувство, которое люди переживают друг с другом, и в нем, скорее, особую ценность будет иметь чувство, объединившее людей в едином порыве. Во втором «нет ни чувственной интенции к радости или страданию Другого, ни какого-либо участия в его переживании. Скорее это характерно для заражения, которое ...вообще не предполагает знания о чужом чувстве» [3, с. 9]. Третье порождается путем неосознанной идентификацией чужого «я» с «я» собственным, следовательно, не содержит в себе отличия в переживаниях субъектов.

Наш акт чувствования должен дистанцироваться от объекта этого сопереживания. Философ считает, что многие исследования приходят к ошибочным заключениям, так как подразумевают в феномене по меньшей мере частичную идентификацию с личностью «другого». Он определяет сорадость и сострадание как процессы, в которых «переживания другого существа кажутся непосредственно понятными, в которых мы участвуем», «каждый вид сострадания или сорадости предполагает какое-то знание о факте чужого переживания», и «мы охватываем в сочувствии свойство чужого чувства – без того, чтобы в нас это вызывало одинаково реальное чувство» [3, с. 5]. Этическая ценность такого рода поведения носит позитивный характер, в отличие от остальных, подобных ему лишь внешне.

В современных условиях дисгармонии человеческих взаимоотношений, роста отчуждения между людьми, вызванного созданием многочисленных опосредованных средств общения проблема сочувствия начинает приобретать все большую актуальность, поэтому выявление истинного содержания этого феномена, определение основных исторически сложившихся подходов к его интерпретации должно стать первоочередным шагом на пути решения проблем морали и нравственности.

Литература

1. *Спенсер Г.* Опыты научные, политические и философские / Пер. с англ.; Под ред. Н. А. Рубакина. Мн.: Современный литератор, 1998. 1408 с.
2. *Шопенгауэр А.* Об основе морали // Шопенгауэр А. Две основные проблемы этики; Афоризмы житейской мудрости. Мн., 1999. С. 157–350.
3. *Scheler M.* Wesen und Formen der Sympathie. Frankfurt/Main: G. Schulte-Bulmke, 1948. 287 S.

КОНЦЕПЦИЯ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА М. КАСТЕЛЬСА

Е. И. Князева

Концепция «сетевого общества» является одной из составляющих целостной теории информационного общества Мануэля Кастельса, охватывающей практически все области человеческой деятельности и позволяющей оценить фундаментальные последствия революции в информационных технологиях.

Данная теория является разновидностью теории информационного общества, начавшей свое развитие со второй половины 60-х годов, как модификация концепции постиндустриального общества. Пик ее популярности пришелся на начало 70-х годов, когда многие исследователи согласились с выводом, что в новых условиях «культура, психология, социальная жизнь и экономика формируются под воздействием техники и электроники, особенно компьютеров и коммуникаций, производственный процесс более не является основным решающим фактором перемен, влияющим на нравы, социальный строй и ценности общества» [4, с. 222].

Кастельс не использует привычную терминологию данной теории, отмечая, что термин «информационное общество» только лишь подчеркивает роль информации в обществе, но информация, по его мнению, в самом широком смысле, то есть как передача знаний, имела критическую важность во всех обществах, включая средневековую Европу. Термин «информационное» указывает у него на атрибут специфической формы социальной организации, в которой благодаря новым технологическим условиям, возникающих в данный исторический период, генериро-